ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Белявской О.С. на тему: «Хронология ременных гарнитур Южного Приуралья III – рубежа VII и VIII вв.» на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.3. Археология

Диссертационное исследование О.С. Белявской посвящено типологизации и хронологизации поясных гарнитур населения Южного Приуралья эпохи раннего средневековья. По общепринятой археологической номенклатуре, то носители мазунинской/бахмутинской, турбаслинской, именьковской (в её приуральском варианте), кушнаренковской и караякуповской культур. И хотя данная категория материальной культуры указанного населения неоднократно рассматривалась исследователями региона, но автор права в том, что в таком комплексном виде исследуемый ею материал «не был отражен полностью ни в одной из созданных ранее классификаций». В этом плане научная новизна и актуальность представленного О.С. Белявской исследования представляются безусловными.

Источниковая база рассматриваемого исследования вполне представительна – 777 погребальных комплексов, содержащих элементы поясной гарнитуры, из которых материал 522 погребений стал предметом исследования автора. В количественном выражении это 539 экз. поясных пряжек, 324 экз. поясных наконечников и 2381 экз. накладок.

Территориально памятники, из которых происходит указанная выборка, расположены в бассейне среднего и нижнего течения рек Белой и Уфы в административных границах современного Башкортостана в его северо-западных и северо-восточных районах. На мой взгляд, подобный географический отбор не представляется оптимальным. Прежде всего потому, что основное количество исследуемых автором поясных наборов сосредоточены в двух могильниках – Бирском и Старо-Кабановском: пряжек в общей сложности 60%, поясных наконечников – 63%, поясных накладок 76%. Примечательно, что оба эти памятника расположены в 40 км (Старо-

Кабановский) и 120 км (Бирский) от Тарасовского могильника в современной Удмуртской Республике, номинированного сейчас (и не без основания) как реперный памятник Эпохи Великого переселения народов в Прикамье и Приуралье. Хотя, с другой стороны, такое искусственное географическое зауживание дает возможность автору (а вслед за ним и заинтересованному читателю) сконцентрировать свое внимание на типологической и хронологической динамике поясной гарнитуры конкретного района лесного и лесостепного Волго-Уральского пограничья, что может оказаться весьма полезным в обобщающих исследованиях материальной культуры и культурных связей населения Волго-Уральского региона эпохи раннего средневековья в целом.

Собранная О.С. Белявской выборка артефактов вполне представительная и открывает широкие возможности для статистико-комбинаторного анализа. Однако автор отдает предпочтение, как она сама об этом пишет, методам, традиционным для археологической науки. В авторском изложении это типологический метод, метод подбора аналогий для анализа элементов поясных гарнитур и метод сериации артефактов, «позволяющий разместить вещи определенной категории в последовательности, отражающей предполагаемые направления их изменения». Разумеется, каждый исследователь волен в выборе тех методов своего исследования, которые он считает единственно результативными в плане объективности и убедительности своих выводов. Но вместе с тем, каждый исследователь вправе задать своему коллеге вопрос, в чем состоят преимущества данного метода по сравнению с другими? В данном случае у меня возник вопрос к О.С. Белявской – а в чем, по её мнению, выбранный ею метод сериации элементов поясной гарнитуры Приуралья по своей результативности превосходит метод сравнительно-статистического анализа массового археологического материала, активно применяемый в современной археологии, в том числе и археологии Урало-Поволжья. К сожалению, в самой рассматриваемой работе ответа на этот вопрос нет.

Диссертационное исследование О.С. Белявской состоит из Введения, четырех глав, Заключения, списка использованных источников и литературы и

трех иллюстративных приложений, состоящих из перечня обработанных автором коллекций (34 могильника и 7 поселений – Приложение 1; таблиц с количественными показателями распространения элементов поясной гарнитуры по памятникам (333 таблицы – Приложение 2) и 80-ти рисунков-иллюстраций (Приложение 3).

Во Введении автор традиционно дает обоснование актуальности и новизны темы своего диссертационного исследования и формулирует 6 положений, вынесенных ею на защиту. Среди этих положений наиболее важным представляется положение 2, в котором сказано, что «в результате анализа взаимовстречаемости находок по 51 признаку (ХИ) (стр. 152-154 и рис. 62-63) стало возможным выделить 9 групп (хронологических), некоторые из которых делятся на подгруппы». Это замечательно и очень интересно, поскольку именно в этом положении и раскрываются методы анализа исследуемого материала.

Глава 1 «Историографический обзор и теоретико-методические основания исследования» (стр. 14-74) своим названием вводит читателя в некоторое заблуждение, прежде всего, несбывшимися ожиданиями узнать и, естественно, понять теоретико-методическое основание представленного исследования О.С. Белявской. Историографический обзор – это действительно только обзор истории изучения археологических культур, памятники которых (могильники) задействованы в рассматриваемом диссертационном исследовании. Данная глава разбита на несколько тематических разделов, посвященных обзору взглядов исследователей на этнокультурную ситуацию в Приуралье в середине – второй половине I тыс. н. э., изучению ременных гарнитур и реконструкции культурных связей по результатам изучения этой категории материальной культуры, установлению относительной хронологии археологических комплексов. В контексте представленной работы первый раздел первой главы, названный автором «Историографический очерк этнокультурной ситуации в Приуралье в I тыс. н.э.» выглядит явно лишним. Все-таки диссертация – это не учебное пособие и не справочник по археологии региона. Этнокультурная ситуация в Приуралье в указанное время – это совершенно особая тема, до сих

пор состоящая из одних проблем. И её историография – это тоже отдельная исследовательская тема. Её, историографии, изложение должно строиться в соответствии с методами и принципами научной историографии. В рассматриваемом же случае мы имеем самый поверхностный обзор, по принципу: «А» написал то, «Б» это, а «В» написал совсем другое. Бросается в глаза и то, что сама автор ни словом не выражает ни своего принятия, ни своего непринятия какой-либо из перечисленных ею точек зрения предшественников. Или, говоря другими словами, никаких выводов по первой главе не делает. Поэтому на фоне только что вышедшего академического 7-томника «Археология Волго-Уралья», 4-й том которого как раз и посвящен современному состоянию археологии региона рассматриваемого в диссертации периода, первая глава диссертации О.С. Белявской выглядит анахронизмом.

Вторая глава рассматриваемого диссертационного исследования представляет собой систематизированный и хорошо проиллюстрированный каталог поясной гарнитуры I тыс. н.э. с территории Южного Приуралья. Объем представленного материала свидетельствует о большой эмпирической работе, проделанной автором диссертации. Уже за одно это археологическое сообщество региона должно быть благодарно О.С. Белявской, поскольку фактически она создала детально проработанный археологический источник, максимально полно отражающий существующую на сегодняшний день источниковую базу по указанной категории материальной культуры населения Приуралья эпохи раннего средневековья.

Во вводной части к данной главе автор указывает, что в основе предлагаемой ею типологии элементов поясной гарнитуры лежит метод максимальной формализации морфологических, визуально фиксированных признаков деталей поясной гарнитуры, позволивший разделить исследуемый материал на отделы, подотделы, группы, типы и варианты (вертикальная иерархия, широко используемая многими предшественниками).

Данный метод, если не предполагает, то допускает равнозначность того или иного артефакта в комплексе исследуемой материальной культуры. В реальности – в случайной выборке. Что не может не влиять и на выводы

исследователя относительно хронологии или этнокультурных связей исследуемых социумов. Что и было неоднократно отмечено основоположниками статистико-комбинаторных методов в археологии.

В своем исследовании О.С. Белявская статистические методы анализа массового археологического материала не применяет. Однако приведенные ею количественные показатели позволяют это сделать. Например, пряжки отдела I – цельнолитые с неподвижным крючком-застежкой на рамке составляют 1,1% (от 542 экз. пряжек), представляя собой «статистический шум». Естественно, в своем анализе автор их в дальнейшем и не упоминает. Пряжки отдела II – с подвижным язычком на рамке в основном (44% в общей сложности) найдены в двух могильниках – Бирском и Старо-Кабановском (всего в работе задействован материал из 34 могильников). Аналогичная картина прослеживается и со всеми остальными элементами поясной гарнитуры. Подобную и в общем-то элементарную статистику следовало бы поместить в заключительной части рассматриваемой главы. Потому что количественные показатели самих артефактов и типов, в которые они объединены приводимые автором (стр. 150), не вызывают никаких иных ассоциаций, кроме одной, довольно примитивной: представить среднее количество предметов поясной гарнитуры, приходящихся на тот или иной тип. Результаты получаются забавные: пряжек – 11 экз., наконечников ремней – 11,5 экз., накладок – 33 экз.

Для чего здесь нужна статистика, пусть даже и элементарная (описательная)? Прежде всего, для того, чтобы понять принцип хронологизации поясной гарнитуры региона, изложенной в главе 3 «Хронологическая атрибуция ременных гарнитур Южного Приуралья». В первом параграфе данной главы автор указывает, что для сериации погребальных комплексов ею «проведен предварительный отбор материала, который привел к сокращению числа привлекаемых погребений за счет удаления из выборки комплексов, содержащих менее 2-х категорий вещей-хроноиндикаторов…Кроме того, в сериацию не были включены датируюшие находки, встречающиеся лишь единожды» (стр. 151). И ниже приводит список хроноиндикаторов (51 предмет), в котором присутствуют известные лишь в единственном экземпляре пряжка

IIБ.2.2б; поясные накладки XIV.2б, XVI.9, XVII.3б, XIX.1б, XXII2в1, XXII.2в2. Это во-первых. Во-вторых, применение статистического метода позволило бы автору отказаться от бесконечного перечня датированных аналогий исследуемому материалу и подкрепить свои выводы обращением к хронологии Тарасовского могильника, разработанной Р.Д. Голдиной и В.Н. Бернц (на которых автор часто ссылается). В этом плане особенно интересными и важными являются результаты сравнительно-статистического анализа материалов Тарасовского могильника с синхронными могильниками Прикамья и Предуралья, проведенного Р.Д. Голдиной, Т.Р. и Т.М. Сабировыми (2015). Среди последних фигурируют Старо-Кабановский могильник, расположенный в 40 км южнее Тарасовского – один из опорных в исследовании О.С. Белявской и Ангасякский могильник, расположенный в 70 км к юго-востоку от Тарасовского. По признакам погребального обряда и составу инвентаря все три памятника обнаруживают между собой более 70% сходства, что свидетельствует об их культурном единстве и полной синхронности.

Предлагаемая автором общая периодизация поясной гарнитуры Южного Приуралья серьезных возражений не вызывает. И О.С. Белявская совершенно права в том, что не поддерживает точку зрения Н.А. Мажитова и его последователей об «омоложении» комплексов I тыс. н.э. в регионе. Хотя приведенная ею корреляционная таблица (рис. 63) сейчас выглядит довольно архаично и наивно.

Схема этнокультурных процессов в Южном Приуралье в I тыс. н.э., изложенная в главе 4 «Хронология погребальных комплексов Южного Приуралья и интерпретация полученных результатов» в общих чертах представляется приемлемой. Хотя и она вызывает ряд замечаний. Например, поддержка точки зрения Т.И. Останиной о наличии какой-то «воинской иерархии» у носителей мазунинской культуры (с. 293). Наличие турбаслинско-кушнаренковских культурных (и тем более брачных) связей (стр. 309) есть ничто иное, как умозрительная попытка автора объяснить непонятные археологические явления. Использование ограбленного погребения №194 Бирского могильника – тому наглядное свидетельство (с. 309): «Погребение

194. 2,10Х0,70 м, глубина около 1 м. Ограблено. В северной части ямы лежал череп и небольшой глиняный сосуд. В стенке примерно на высоте 20 см от уровня дна имелась ниша-подбой, стоял большой глиняный сосуд. Рядом с сосудом – кость лошади. Найдены еще бронзовая накладка и несколько раковин ужовки» (Мажитов, 1969, с. 112).

Обращение к керамике городища Уфа II, как к свидетельству совместного бахмутинского и турбаслинского проживания – в данном случае вообще алогизм (с. 309-311). Критикуя мои выводы относительно стратиграфии турбаслинской и бахмутинской керамики городища Уфа II, а следовательно, и мои сомнения относительно вероятности совместного проживания «бахмутинцев» и «турбаслинцев» на этом поселении, ссылается на мою статью 2020 г., где эти выводы изложены одной строкой в контексте другой темы. Но если бы автор потрудилась более внимательно прочесть мою же предыдущую статью 2012 г., в который изложена эмпирическая основа для данного вывода (а статья эта О.С. Белявской известна и в одной из своих публикаций 2018 г. она её подробно рассматривает, но вот в библиографию диссертации не включила), то, уверен, что пафос её критики моих положений по данному вопросу заметно снизился бы.

В Заключении автор подводит общие итоги своего исследования.

Диссертация О.С. Белявской представляет собой самостоятельную, законченную научно-квалификационную работу, свидетельствующую о том, что её автор владеет приемами, навыками и методами археологического источниковедения и аналитики. Автор знает изучаемый материал, проделала большую работу по его сбору и систематизации, сделала выводы, с большей частью которых трудно не согласиться. Безусловно, ряд высказанных автором положений остаются дискуссионными. В первую очередь, это относится к предложенной О.С. Белявской интерпретации этнокультурных процессов в Приуралье в I тыс. н.э. Но их обсуждение, по-видимому, станет полем для дальнейших исследований соискательницы.

Автореферат отражает структуру и содержание диссертации.

В публикациях соискательницы, в том числе в 4, вышедших в свет в научных рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК, представлены основные результаты диссертации.

Диссертация О.С. Белявской на тему: «Хронология ременных гарнитур Южного Приуралья III – рубежа VII и VIII вв.» соответствует требованиям, установленным «Положением о присуждении ученых степеней», предъявляемым к кандидатским диссертациям. Ольга Сергеевна Белявская заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.3. Археология.

Главный научный сотрудник
Научно-образовательной лаборатории патриотического
воспитания молодежи и истории казачества
Федерального государственного бюджетного
Образовательного учреждения высшего образования
«Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы»,
доктор исторических наук, профессор В.А. Иванов

20.11.2023.

450000, Уфа, Республика Башкортостан, ул. Октябрьской Революции, 3А
https://bspu.ru office@bspu.ru +7 (347) 287-99-91

Подпись В.А. Иванов
Заверяю: Начальник отдела документационного обеспечения
ФГБОУ ВО «БГПУ им. М.Акмуллы» Г.Ш. Сагитова